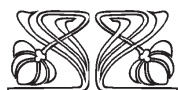
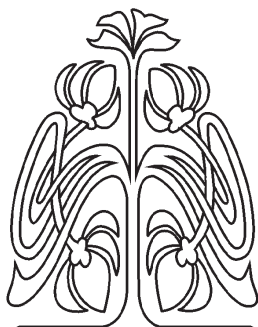
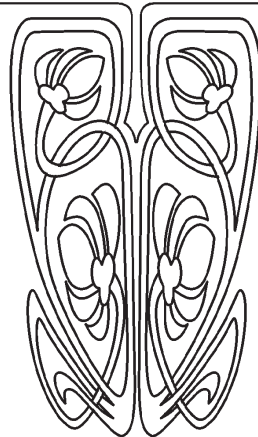

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 228–237

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 228–237

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-228-237>

EDN: WTUZOL

Научная статья

УДК [811.161.1'1:008]:378.091.3

Пространственный код культуры в учебном дискурсе: на материале текстов учебников русского языка

М. В. Суркова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Суркова Мария Васильевна, аспирант кафедры русского языка речевой коммуникации и русского как иностранного, marysinv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-6723-0961>

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации пространственного кода культуры в учебном дискурсе. Исследование направлено на выявление особенностей представления пространства в учебниках для носителей языка (5-й и 9-й классы) и для иностранных студентов. Научная новизна обусловлена вкладом исследования в лингвоаксиологию и лингвокультурологию: расширением представлений о механизмах кодирования культурных ценностей в языке, созданием новых подходов к анализу кодов культуры, разработкой методики определения «культуроносных смыслов» у слов. Цель исследования заключается в анализе специфики отражения пространственного кода культуры в учебных материалах под углом зрения национально-культурной принадлежности адресата и целей обучения. В ходе исследования проведен комплексный анализ лексико-семантических групп существительных из текстов упражнений учебников, обозначающих пространство, с выделением культурно значимых элементов на основе семантических оппозиций «свое/чужое», «узость/широта», «ограниченность/неограниченность». Особое внимание уделяется выявлению грамматических и синтагматических показателей, указывающих на культурную маркированность пространственных понятий. Анализ показал, что оба учебника содержат слова, вербализующие пространственный код культуры как универсальный для представителей большинства культур. В текстах учебника русского как иностранного подчеркнута индивидуалистическая ценность «своего» пространства, фокус внимания смещен с духовно-нравственной стороны жизни на описание быта и материально-коммерческих отношений, отражающих ценности современного общества потребления. В учебнике родного русского языка важное место занимает вербализация национально-специфичного, исторически сложившегося представления русских людей о пространстве, которое формирует ценностную картину мира.

Ключевые слова: пространственный код культуры, пространственная семантика, учебный дискурс, русская языковая картина мира, лингвоаксиологический анализ, фактор адресата

Для цитирования: Суркова М. В. Пространственный код культуры в учебном дискурсе: на материале текстов учебников русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 228–237. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-228-237>, EDN: WTUZOL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cultural spatial coding in educational discourse: A cross-examination of the Russian language textbooks

M. V. Surkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria V. Surkova, marysinv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-6723-0961>

Abstract. The article examines the problem of how the spatial code of culture is represented in educational discourse. The study aims to identify specific features of space representation in textbooks for native speakers (grades 5 and 9) and for foreign students. The scientific novelty is determined by the research contributing to linguoaxiology and linguoculturology: expanding the understanding of the mechanisms for encoding cultural values in language, creating new approaches to the analysis of cultural codes, and developing a methodology for identifying “culture-bearing meanings” in words. The research objective is to analyze the specific traits of reflecting the spatial code of culture in educational materials intended for recipients with different national and cultural backgrounds. In the course of the research a comprehensive analysis of lexico-semantic groups of nouns from textbook exercise texts denoting space was conducted, with the identification of culturally significant elements based on the semantic oppositions of “own/alien”, “center/periphery”, “narrowness/breadth”, “boundedness/unboundedness”. Particular attention is paid to identifying grammatical and syntagmatic indicators pointing to the cultural marking of spatial concepts. The analysis revealed that both textbooks contain words verbalizing the spatial code of culture as universal for the representatives of most cultures. In the Russian as a foreign language textbook texts, the individualistic value of “one’s own” space is emphasized, with the focus shifting from the spiritual and moral aspects of life to describing everyday life and material-commercial relations reflecting the values of modern consumer society. In the native Russian language textbook, an important place is occupied by the verbalization of the nationally specific, historically formed Russian people’s idea of space, which shapes the value-based worldview.

Keywords: spatial code of culture, spatial semantics, educational discourse, Russian linguistic worldview, linguoaxological analysis, addressee factor

For citation: Surkova M. V. Cultural spatial coding in educational discourse: A cross-examination of the Russian language textbooks. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 228–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-228-237>, EDN: WTUZOL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Фокус внимания современной лингвистики в связи со становлением на рубеже XX и XXI вв. антропоцентрической парадигмы сосредоточен на человеке. Как писал Ю. С. Лотман, культуру следует понимать как «ненаследственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний <...> культура по определению есть социальное явление» [1, с. 487]. Семиотический подход к пониманию культуры предполагает, что она представляет собой совокупность символов, которые служат для передачи информации, трансляции и порождения идей, ценностей и смыслов, аксиологический подход выводит на передний план ценности, которые определяют деятельность и развитие человеческого общества. Лингвокультурологию и лингвоаксиологию сближает то, что, с одной стороны, язык воспринимается в этих науках «как система тел знаков для языка культуры» [2, с. 92] (т. е. средствами естественного языка передается культурно значимая информация (см. подробнее об этом работу В. Н. Телия [3]), с другой стороны, язык отражает ценности языкового коллектива, поскольку культура – «совокупность способов

творческой деятельности личности в области материального и духовного производства; способы распределения и потребления материальных и духовных ценностей, достижения в области организации общественных взаимоотношений, способствующие прогрессивному развитию человечества» [4, с. 13].

Как отмечает С. Г. Воркачев, «попадая в фокус языкового толкования, символ в узком понимании как образ, отправляющий к какой-либо абстракции, приобретает трехуровневую структуру: план содержания имени, номинирующего образ, сам превращается в план выражения чего-то, стоящего за этим образом» [5, с. 133]. «Тем самым, человеческий язык также существует в культуре, во взаимодействии с системами культуры, ее знаками и смыслами; языковой знак отражает действительность и концептуализирует, “схватывает” мир через призму “окультуренного” (по В. Н. Телия) мировидения» [6, с. 181]. Чаще других знаков символами культурно значимых понятий и явлений становятся слова естественного языка, поэтому Д. Б. Гудков называет вербальный код культуры, выделенный по субстанциональному признаку, базовым для лингвокультурологии [7, с. 26].

В данном исследовании мы исходим из определения кода культуры, сформулированного В. Н. Телия: «Код культуры – таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума во входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [8, с. 20–21].

Не каждое употребление слова выполняет символическую функцию, в процессе коммуникации только некоторые слова, соотносимые или ассоциируемые с культурно значимыми реалиями, обретают «культурноносные смыслы» [9, с. 132], формируют «культурные коннотации», которые представляют собой «инструмент для изучения этого взаимодействия в определенные периоды или эпохи жизни народа, оказавшие заметное воздействие на формирование его ментальности» [10, с. 146], что позволяет считать их вербализованным воплощением кодов культуры.

Общепринятым считается мнение о том, что коды культуры наиболее системно отражаются во фразеологизмах, пословицах, поговорках и под. (см. об этом: [6, 8, 9]). В предлагаемой статье мы исходим из того, что слова способны становиться вербальным воплощением кодов культуры не только во фразеологических или метафорических контекстах, но и в «невывраженных», при наличии у слова выраженной в синтагматике (на уровне, например, словосочетательных связей) оценочности, поскольку код культуры – своего рода «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [11, с. 297–310].

В данной статье предлагается расширить перечень языковых примет, которые могут сигнализировать о том, что слово в определенном контексте функционирует как код культуры. Это, например, сочетающиеся с этим словом временные формы глагола (прежде всего настоящего постоянного гномического времени), синтаксические структуры со значением тождества и характеристики, поскольку они, по сути, представляют собой оценочные суждения и появляются «в различных высказываниях общественного характера, несущего мудрость человечества <...> содержат ярко выраженный

генерализованный субъект (чаще всего одушевленный), обычно он усечен или употреблен без детерминативов» [12, с. 119]. Мы также разделяем точку зрения М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудкова в том, что «языковой знак может обозначать объект, уже обладающий культурной семантикой, на том основании, что данный объект (культурный предмет, идеальный конструкт) принадлежит предметной области культуры и срединен с ценностно-значимой информацией...» [6, с. 183]. К таким языковым знакам, на наш взгляд, можно отнести слова *Родина*, *блокадник*, *герой*, *война* и под.

Изучению пространственной семантики и пространственного кода культуры посвящены работы таких исследователей, как О. В. Мякшева [13], О. Г. Згировская [14], В. В. Воробьев, Ф. Г. Фаткуллина, Ш. Ю. Кужугет [15] и др. В. В. Красных пишет о том, что пространственный код связан с членением пространства и относится к базовым [16, с. 8]. О. В. Мякшева отмечает: «Категория пространства относится к основным объективным категориям существования человека и действительности. Ее осознание и языковая интерпретация жестко детерминированы “земными” реалиями, а среда использования языка влияет на сферу деятельности человека» [13, с. 73]. О. Г. Згировская обращает внимание на связь пространственного кода с предметным («т.к. предметы становятся символами тех или иных пространственных объектов» [14, с. 186]) и соматическим («поскольку восприятие пространства часто выражается в антропоморфных метафорах с помощью соматизмов» [14, с. 183]).

Как отмечают В. В. Воробьев, Ф. Г. Фаткуллина, Ш. Ю. Кужугет, выявление способов репрезентации пространственного кода культуры и его лингвокультурологическое описание «демонстрируют культурную динамику и ее отражение в языке – дефиниция культурного пространственного кода объединяет не просто «классическое» определение кода культуры (В. В. Красных, М. В. Пименова, Д. Б. Гудков), но и, как показывает сопоставление семиотических оппозиций *близко/далеко*, *свой/чужой*, *верх/низ* <...>, также метафоризацию как один из значимых когнитивных механизмов» [15, с. 166].

О. П. Ермакова в качестве основной формы вербализации пространственного кода культуры выделяет метафору: «В пространственных метафорах отражаются в русском языке важнейшие фрагменты картины мира: жизнь,

смерть, судьба, общество с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики» [17, с. 289]. В. И. Поречная, анализируя лексемы с пространственной семантикой в заголовках текстов политического дискурса, говорит о том, что, хотя метафора в этом отношении наиболее репрезентативна, «к результату когнитивного процесса метафоризации относится и ряд иных тропов (метонимия, литота, синекдоха, олицетворение и др.)» [18, с. 187].

Антропоцентризм данного исследования предполагает учет фактора адресата, поскольку он является важным в учебном дискурсе: именно от того, учтен он или нет, зависит успешность восприятия текста, стиль которого определяется тем, «кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) представляет себе своих адресатов...» [19, с. 291] (о речи как об «адресованном поведении» см. работу Н. Д. Арутюновой [20]).

Очевидно, что учебники родного русского языка (далее – РРЯ) рассчитаны на обучающихся средней школы, для которых русский язык является родным. Предполагается, что школьники имеют достаточный уровень владения языком и способны к восприятию адаптированного с учетом их возрастной группы, но не адаптированного с точки зрения культурологического содержания художественного или публицистического текста.

В статье, посвященной изучению образа России в учебниках русского языка и русского языка как иностранного [21], отмечается, что студент, не знакомый с русской культурой, не имеет такого историко-культурного опыта, как носитель языка, и на базе учебных текстов формирует свое представление о стране, национальный язык которой изучает, в связи с чем учебные тексты должны быть направлены на формирование положительного образа этой страны [21, с. 247].

Актуальность исследования обусловлена осмыслением с точки зрения антропологической парадигмы лингвоаксиологических аспектов пространственных представлений в учебном дискурсе с учетом фактора адресата.

Цель исследования – выявить специфику репрезентации пространственного кода культуры в учебниках РРЯ для 5-го и 9-го классов и в учебниках РКИ под углом зрения национально-культурной принадлежности адресата и целей обучения.

Научная новизна заключается во вкладе исследования в лингвоаксиологию и лингвокультурологию: расширении представлений о механизмах кодирования культурных ценностей в языке, создании новых подходов к анализу кодов культуры.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты из учебников родного русского языка для 5-го и 9-го классов (далее – РРЯ5 [22] и РРЯ9 [23]); учебники русского как иностранного «Поехали!» (далее – РКИ1 [24]), «Точка ру» (далее – РКИ2.1 [25], РКИ2.2 [26]), «Я люблю русский язык» (далее – РКИЗ [27]).

Очевидным представляется качественное отличие текстов из учебников РРЯ и РКИ. Учебники РРЯ содержат преимущественно тексты, написанные мастерами слова (писателями-классиками и русскими учеными-лингвистами), которые, будучи носителями элитарного (полнофункционального) типа речевой культуры (см. об этом: [28]) и владея информацией о достижениях мировой и национальной культуры [29, с. 23], в своих текстах отражают, в первую очередь, национальные ценности русского человека. В связи с тем, что тексты для учебников РКИ написаны их авторами, субъективное представление о мире их составителей обуславливает специфику репрезентации культурных кодов в данных текстах. Правомерность сравнения таких разных по качеству текстов из анализируемых учебников объясняется их общей задачей – создавать образ России.

Для распределения слов по ЛСГ применяются семантический, таксономический методы анализа; контекстно-сопоставительный метод, методы контрастной лингвистики; лингвокультурологический и дискурсивный методы анализа используются при выявлении этнокультурной специфики изучаемых контекстов.

На первом этапе исследования из имен существительных, отобранных методом сплошной выборки из текстов учебников РРЯ и РКИ, были сформированы ЛСГ с опорой на Семантический словарь русского языка [30], затем из них выделены ЛСГ, элементы которых называют некоторое пространство и гипотетически могут быть соотнесены с пространственным кодом культуры. На втором этапе на основе грамматических и синтагматических характеристик высказываний с именами пространств были вы-

делены контексты, в которых номинации пространства являются вербальным воплощением пространственного кода культуры. На третьем этапе осуществлен контекстно-сопоставительный анализ текстов из учебников РРЯ5, РРЯ9 и РКИ1, РКИ2, РКИ3 в рамках семантических оппозиций «свое/чужое», «узость/широта», «ограниченность/неограниченность». В данной статье представлены результаты третьего этапа анализа.

Результаты

Семантическая оппозиция «свое/чужое» пространство

Противопоставление «своего» и «чужого» пространства «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [31, с. 126]. Е. С. Еремкина отмечает, что анализ работ, посвященных изучению оппозиции «свой/чужой», позволяет сделать вывод об ее универсальности, многоплановости, способности к реализации различными знаками культуры, в том числе и языковыми [32, с. 60].

Семантическая оппозиция «свое/чужое» пространство в учебниках РРЯ вербализована в ЛСГ «Населенные пункты» («свое» пространство: РРЯ5 – *родина, отечество*; РРЯ9 – *родина, отечество, отчизна*; «чужое» пространство: РРЯ9 – *заграница, граница, чужбина*), в учебниках РРЯ и РКИ в ЛСГ «Жилые постройки человека, помещения в них, их части» (РРЯ и РКИ свое пространство – *дом*; РРЯ5 и РРЯ9 – *избушка, терем*).

В учебниках РРЯ и РКИ содержатся и номинации пространства, не конкретизированного как «свое/чужое»: *город, государство* и под. Их употребление не связано с вербализацией кода культуры, слова выражают свое основное языковое значение, ценностные характеристики не выражены.

Номинации, называющие «свое» пространство, в учебниках РРЯ системно отражают пространственный код культуры, что подтверждается использованием в предложениях настоящего постоянного (гномического) времени и синтаксических конструкций со значением тождества: *Отечество – земля отцов* (конструкция со значением характеристики) как символ *животворности места, жизнеспособности рода (родина)* и права народа на

наследственное владение (отчизна). Отечество – свой край (конструкция со значением тождества), *где нет чужих (ср.: чужбина); отечество дает* (настоящее гномическое время) *силу и питает* (настоящее гномическое время), *при этом само нуждается в защите от врагов* (РРЯ9). «Свое» пространство оказывает исключительно положительное влияние на человека (это «символ животворности места», оно «дает силу и питает»).

Понятие о «своем» пространстве в учебниках РРЯ не напрямую соотносится с географическими границами населенного пункта или государства, его границы – это границы человеческой памяти об эмоционально значимых для человека местах и событиях, делающих их таковыми: *Родина складывается* (настоящее гномическое время) *из конкретных и зримых вещей: изб, деревень, рек, песен, сказок, живописных и архитектурных красот. Родина – это не очертание на карте* (конструкция со значением тождества), *лежащее в железных обручах меридианов, как выразился один поэт, но, может быть, скорее, это береза под окном* (конструкция со значением тождества), *по выражению того же поэта* (РРЯ5).

В текстах из учебников РКИ интересным представляется тот факт, что отношение к дому соотносится с характером человека: (о Водолее как знаке зодиака – М. С.) *Хочет идти своей дорогой в жизни. Домашняя жизнь хаотичная, часто меняет дома* (РКИ1). В синтагматике выражена положительная оценка дома: *Моя семья живет в солнечной Барселоне, в небольшом уютном доме с бассейном* (РКИ 2.1). Подчеркивается, что наличие собственного дома приносит человеку счастье и эмоциональный комфорт: *Мне очень нравится жить в собственном доме, я очень счастлив!* (РКИ3); *Но я хочу сказать, что теперь праздник для меня – это тихий вечер дома* (конструкция со значением тождества), *когда мне не нужно никому дарить подарки и никого поздравлять* (РКИ3).

Безусловно, каждый человек в «своем» пространстве ощущает себя максимально комфортно и безопасно, для русского человека дом – это безопасное место, где всегда можно найти понимание и поддержку, в связи с чем именно в «своем» пространстве русские люди готовы раскрыться и поделиться частью своего внутреннего мира: *И если ты мало знаешь русских, ты начинаешь думать, что они недружелюбные, и ты им не нравишься. Но когда ты*

приходишь (настоящее гномическое время) **к человеку в дом, ты видишь** (настоящее гномическое время), **что он совсем другой: открытый, веселый и очень гостеприимный** (конструкция со значением характеристики) (РКИЗ).

«Чужому» пространству в учебниках соответствуют следующие слова: РРЯ9 – *заграница, граница, чужбина*; РКИ1, РКИЗ – *заграница*.

В текстах из учебника РРЯ9 национальная самоидентификация русского человека в «чужом» пространстве представлена как предмет гордости: *Вот спросят меня за границей, кто я? Отвечу – русский* (РРЯ9). В анализируемом контексте пунктуационное оформление предложения, содержащего ответ, подчеркивает скорую смену событий, т. е. ответ произносится тут же, без лишних раздумий. Следующий контекст из РРЯ9 иллюстрирует, что оценка извне менее важна для русского человека, чем оценка соотечественников: *Пускай наших пейзажистов не знает заграница. Чтобы не проходить мимо Серова, надо быть русским* (сост. именное сказуемое, включающее в себя категорию состояния со значением долженствования) (РРЯ9).

В РКИЗ в речи россиянина подчеркнуто, что «свое» пространство не хуже, а лучше чужого: *Я вас совсем не понимаю. Зачем нужно тратить много денег на отдых за границей, если можно прекрасно отдыхать и в своей стране, как это делаю я?!* (РКИЗ). Анализируемый отрывок взят из диалога жителей разных

стран, в котором жители Швеции и Польши делятся своими впечатлениями о зарубежных поездках, а русский человек рассказывает об отдыхе в Карелии.

Совершенно другой образ «чужого» пространства у русского человека создается в учебнике РКИ1, где «чужое» пространство показано как место, к которому русский человек стремится, куда вкладывает деньги: *Богатые россияне тратят* (настоящее гномическое время) *большие деньги на дорогие часы и автомобили, роскошные дома в России и за границей. Часто они готовы много заплатить за образование детей за границей или за иностранный паспорт инвестора* (РКИ1).

На периферии оппозиции «свое/чужое» находятся ЛСГ, элементы которых называют пространство, которое может восприниматься как «свое» или «чужое» в зависимости от образа жизни человека, его мировоззрения, социального положения. К таким ЛСГ относятся в учебниках в РРЯ и РКИ «Учебные заведения, учреждения науки», «Учреждения, связанные со сферой культуры», «Постройки и учреждения религии», «Учреждения торговли и общественного питания»; только в учебниках РКИ – «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха». Так как отношение человека к элементам данных ЛСГ характеризует его внутренний мир, сопоставим частотность элементов этих ЛСГ (таблица).

Частотность номинаций, входящих в ЛСГ «Учебные заведения, учреждения науки», «Учреждения, связанные со сферой культуры», «Постройки и учреждения религии»; только в учебниках РКИ – «Учреждения торговли и общественного питания», «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха»

Лексико-семантическая группа	РКИ1	РКИ2	РКИЗ	РРЯ5	РРЯ9
Учебные заведения, учреждения науки	31	69	78	16	10
Учреждения, связанные со сферой культуры	28	25	29	6	9
Постройки и учреждения религии	6	3	10	1	3
Учреждения торговли и общественного питания	26	46	53	2	4
Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха	5	9	34	0	0

Анализ частотности показал, что в учебниках РКИ все перечисленные ЛСГ значительно более частотны, чем в учебниках РРЯ. Обратим внимание на то, что в РКИ2 и РКИЗ ЛСГ «Учебные заведения, учреждения науки» имеет частотность выше более чем в 2 раза по сравнению с РКИ1. При этом частотность ЛСГ «Учреждения и помещения сферы развлечений

и отдыха» в РКИЗ в 3 раза выше, чем в РКИ1 и РКИ2. Рассмотрим некоторые контексты из учебников РРЯ и РКИ, чтобы проследить разницу в восприятии различных номинаций.

Элементы ЛСГ «Учебные заведения, учреждения науки» в учебниках РРЯ имеют низкую частотность, однако их употребление связано с выражением кодов культуры, нередко эти

номинации используются в расширительном, метафорическом значении (Пространственный и биоморфный коды культуры: **Зеленые патрули создаются** (настоящее гномическое время) **в школах, оздоровительных лагерях, высших учебных заведениях, чтобы бороться с нарушителями законов об охране природы, принимать активное участие в озеленении городов и поселков, распространять знания о значении природы в жизни людей** (РРЯ5); пространственный и духовный коды культуры: **Родная земля – это первая школа мужества, находчивости, пытливости** (констр. со значением тождества) (РРЯ9); пространственный и интеллектуальный коды культуры: **Подросток идет** (настоящее гномическое время) **в школу. Юноша шагает** (настоящее гномическое время) **в институт или в университет. Целое море слов, шумный океан речи подхватывает его там, за широкими дверями** (РРЯ5).

В учебниках РКИ номинации, входящие в данную ЛСГ, частотны, но не связаны с воплощением мировоззренческих констант и, что представляется неожиданным, в РКИ1 используются в контекстах, формирующих негативный образ этих учреждений вообще и России в частности: **Или взять, например, школу: только 3% детей ходят туда с удовольствием, но ходить туда должны все** (РКИ1); **Раньше здесь были советские институты, и даже институт Андрея Сахарова. Может быть, атомную бомбу делали? В Суриковском институте в Москве просто ужас** (РКИ1). В РКИ2 видим нейтральные контексты: **После 9-го класса ученики могут продолжать учиться в средней школе еще два года или пойти в техникум/училище/колледж** (РКИ2.1). В РКИ3 находим упоминание о выдающемся русском режиссере Андрее Тарковском, в данном контексте, кстати, неуместно употреблено разговорное слово **девушка**, что противоречит нормам русского литературного языка: **В 1954 году Андрей поехал в Москву, потому что хотел учиться там. Когда Тарковский учился в университете «ВГИК», он познакомился с девушкой, которую звали Ирма Рауш** (РКИ3).

Высокая частотность в учебниках РКИ ЛСГ «Учреждения торговли и общественного питания» и само наличие ЛСГ «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха» объясняются одной из задач изучения языка как иностранного – обеспечением освоения навыка ориентации в пространстве. Однако

анализ контекстов, в которых используются номинации из названных ЛСГ, и состав ЛСГ «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха», в которую входят такие слова, как **ночной клуб, казино, баня**, приводят нас к мысли о том, что с их помощью создается образ России как общества потребления, в котором товарно-рыночные отношения важнее, чем человеческие, а финансовое состояние человека выступает в качестве мерила его успеха. В РКИ1 находим контекст, где подчеркивается бедность русских людей: **Большинство бедных людей рабочие и пенсионеры, деревенские жители и мигранты, работающие на стройках, в магазинах или убирающие улицы в городах. Удивительно, что среди бедных есть учителя и даже врачи** (фрагмент из текста, в котором описывается финансовое и социальное положение граждан России. – М. С.) (РКИ1). Представляется неуместным и использование анекдота про казино, который с высокой долей вероятности может быть неправильно воспринят иностранцем (в России запрещены азартные игры): **– А где наш главный бухгалтер?/ – Он пошел в казино./ – Как?! В рабочее время?/ – Да, это его последний шанс сдать годовой баланс** (РКИ1). В РКИ2 и РКИ3 содержится большое количество нейтральных контекстов, в которых упоминаются учреждения торговли и места отдыха при описании повседневных занятий.

В учебниках РКИ нередко слова из ЛСГ «Учреждения религии» и «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха» употребляются в одном контексте, что неправомерно сближает духовную сферу, потребительские интересы и отдых в ночном клубе: **Перед нашим сумасшедшим домом ночной клуб с необычной программой, а за нашим домом – монастырь с церковью. Это самый необычный дом между небом и землей!** (РКИ1); **Там так много рынков, кафе, ресторанов и магазинов! Я купила несколько ваз и картин. А еще мы посетили несколько храмов и монастырей** (описание Тайланда. – М. С.) (РКИ3).

В учебниках РРЯ, напротив, пространственные номинации из сферы религии находятся в одном синтагматическом ряду с другими духовными достояниями: **Ты можешь быть химиком, электриком, партийным работником, футболистом, писателем, генералом, но если ты русский человек, ты обязан знать, что такое «Слово о полку Игореве», церковь Покрова на Нерли, Куликовская битва, рублевская «Троица»,**

Кирилло-Белозерский монастырь, Крутицкий терем, устюжская чернь, вологодское кружево, **Киж**, **Остромирово евангелие**, **Владимирская Божья Матерь** (РРЯ9). Номинации, называющие места торговли также употребляются в тесной связи с культурой: слово *лавка* в РРЯ9 упоминается в контексте, где описывается ассоциативный ряд предметов, связанных с А. С. Пушкиным: *Под ними я прочитал: «Пушкин». Это «П», похожее на наши ворота, было точно такое же, как и толстое золотое «П» на мясной лавке, и все буквы были те же: я только что выучился читать по вывескам. <...> Потом «Пушкин» связался во мне с зимой, со снегом на нашем дворе, с сарайчиком, где стояли мои лубяные салазки, с собачкой «Цыганкой».*

Семантические оппозиции «узость/широта» и «ограниченность/неограниченность»

В учебниках РРЯ и РКИ пространственный код культуры в аспекте семантических оппозиций «узость/широта» и «ограниченность/неограниченность» вербализован элементами ЛСГ «Пространство, место» (РРЯ9: *местечко*; РРЯ5: *угол, уголок*; РКИЗ: *уголок*), «Характеристики пространства и времени» (РРЯ5: *широта, величина, глубина*; РРЯ9: *простор, ширь*; РКИ1: *ширина*).

Анализ ЛСГ, содержащих номинации пространств, дифференцированных по «узости/широте» и «ограниченности/неограниченности», показал, что семантика ограниченности (узости) пространства пересекается с семантикой периферийности, отдаленности от центра (в РРЯ9: *местечко*; РРЯ5: *угол, уголок*; РКИЗ: *уголок*), при этом семантика неограниченности (широты) автономна (РРЯ9: *простор, ширь*; РРЯ5: *широта, величина, глубина*; РКИ1: *ширина*).

Среди слов, именующих узкое/ограниченное пространство, только слово *уголок* соотносится с кодом культуры, поскольку слово *угол* употребляется в своем основном значении, не имеет выраженной оценочности, не иллюстрирует ценности: *Нет, у меня даже кухни нет. Есть только угол, где стоят плита и холодильник* (РКИ2.1). В РКИЗ и РРЯ5 слово *уголок* обладает положительной оценочностью, которая выражена через уменьшительно-ласкательный суффикс *-ок-*, слово *уголок* употребляется в контексте с синтаксической конструкцией характеристики, где подчеркнута уникальность называемого места, его быта и традиций: *Замо-*

скворечье – необыкновенный район (констр. со значением характеристики)! *Это уголок старой Москвы с узкими пешеходными улочками, невысокими домами, великолепными храмами и церквями* (РКИЗ). *Кружева плели во многих уголках России – в Ельце и Рязани, Вятке и Мценске... Местные мастерицы создавали свой, особый вид кружевных узоров* (РРЯ5). В контекстах из РРЯ5 и РРЯ9 семантика отдаленности, сочетающаяся с семантикой ограниченности, подчеркивает широту России, так как отмечается, что представители съехались из всех уголков (т. е. этих «уголков» много и находятся они на большом расстоянии друг от друга): *А как, по-вашему, правильно: «Съехались представители (из всех – со всех) уголков нашей страны»?* (РРЯ9).

В учебниках РРЯ5 и РРЯ9 широта русских просторов и размах мероприятий соотносятся с широтой души (эту связь отмечали такие исследователи, как А. Д. Шмелев [33], Н. Л. Шамне, М. В. Макарова [34] и др.): *Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь* (конструкция со значением характеристики), *осязание неизведанных, небывалых возможностей* (РРЯ9); *Слоган зимней Олимпиады-2014 в Сочи раскрывает широту национального характера россиян, он адресован каждому человеку, близок и понятен ему* (РРЯ5).

Слова *величина* и *глубина* в РРЯ5 и РРЯ9 не являются выразителями кодов культуры: *Потом пулей вылетела из них, легонько задев мои пальцы хвостом, и пропала в темно-зеленой глубине* (РРЯ5); *Высоко-высоко, в сереньком, чуть размытом над далеким Енисеем небе различил две мерцающие звездочки, величиной с семечко таежного цветка майника* (РРЯ9).

Семантика широты и неограниченности в учебниках РКИ не соотносится с вербальным воплощением пространственного кода культуры, слова функционируют в основных значениях: *Американский инженер-миллионер Норман Никсон начинает строить «Корабль Свободы» – самый большой в мире корабль, мобильный город, длина которого будет более километра, ширина – 300 метров, вес – 2 700 000 тонн* (РКИ1).

Заключение

Анализ ЛСГ предметной лексики, вербализующей пространственный код культуры в аспекте оппозиции «свое/чужое» пространство, «ограниченность/неограниченность», «узость/широта» пространства из учебников русского языка как родного и иностранного, показал, что пространственный код культуры выражает как общечеловеческие, универсальные ценности, так и национальные ценности русской культуры. Специфика функционирования слов, вербализующих код культуры, грамматически выражена в синтаксических конструкциях со значением тождества и характеристики, в использовании глаголов в форме настоящего постоянного (гномического) времени, такие слова имеют выраженную положительную или отрицательную оценочность.

Пространственный код культуры в учебниках РРЯ и РКИ в рамках оппозиции «свое/чужое» пространство вербализован в словах: *дом, заграница*. К словам, которые воплощают национальные ценности русской культуры в рамках оппозиции «свое/чужое» пространство, относятся *родина, отечество, отчизна*. Эти слова используются только в учебниках РРЯ, они являются национально маркированными и транслируют специфическое представление русского человека: родное пространство – источник силы и величайшая ценность, отчизну принято защищать, ею принято гордиться.

В учебниках РКИ в качестве «своего» пространства выступает *дом*, представление о нем в рамках пространственного кода культуры носит универсальный характер (*уютный, собственный, тихий*). В РРЯ отражено более широкое понимание «своего» пространства, связанное с такими ключевыми словами русской культуры, как коллективность и соборность.

«Чужому» пространству соответствуют слова *заграница, граница, чужбина*. Согласно результатам исследования контекстов из учебников РРЯ, для носителей русской культуры мнение соотечественников в вопросах искусства является более значимым, чем внешняя оценка. Национальная самоидентификация русского человека в «чужом» пространстве носит принципиальный характер: тем, что ты русский, люди гордятся.

В учебниках РКИ фокус внимания смещен с духовно-нравственной стороны жизни на описание быта и материально-коммерческих от-

ношений, отражающих ценности современного общества потребления. Высокая частотность лексики, называющей общественные места (*театр, школа, кино, кафе, церковь*), может быть объяснена одной из задач курса изучения русского языка как иностранного – развитием умения ориентироваться в окружающем пространстве, однако контексты их употребления и наличие таких слов, как *казино* и *ночной клуб*, все же вызывают вопросы.

В рамках оппозиций «широта/узость» и «ограниченность/неограниченность» пространств слово *уголок* в учебниках РРЯ и РКИ выступает как воплощение пространственного кода культуры. Семантика «узости» и «ограниченности» соотносится с положительной оценочностью. Системно выражено пересечение семантики «ограниченности» и «отдаленности», в контекстах подчеркнута уникальность отдаленных небольших населенных пунктов. Национально специфичные для русской культуры характеристики «узости» пространств не выявлены.

В учебниках РРЯ «широта» и «неограниченность» пространств (*простор, широта, ширина*) соотносится с шириной человеческой души. Такое представление является национально специфичным, свойственным русской культуре. В учебниках РКИ слово *ширина* не выступает в качестве вербального воплощения кода культуры.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.
2. Красных В. В. Роль и функции языка как объекта современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 90–97. EDN: TXIXAL
3. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. С. 776–782.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. 331 с.
5. Воркачев С. Г. Вербализация символа: блазонирование в государственной геральдике постсоветских республик // Жанры речи, 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 133–139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>, EDN: RALENK

6. Ковшова М. Л., Губков Д. Б. Культурная семантика языковых знаков: теория и эксперимент // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 181–189. https://doi.org/10.52452/19931778_2024_4_181, EDN: JYBMRW
7. Гудков Д. Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 25–30. EDN: JLBXDDQ
8. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. 336 с.
9. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016. 496 с.
10. Телия В. Н., Опарина Е. О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1 (56). С. 145–148. EDN: NCWNVX
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
12. Гуценко С. К. Функциональные типы широкого настоящего // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 118–122. EDN: TUDTWW
13. Мякишева О. В. Пространственная семантика и ее роль в создании газетного текста // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 73–83. EDN: YHCWXB
14. Згировская О. Г. Рациональное и эмоциональное в пространственном коде русской культуры // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сб. тр. Междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора П. А. Леканта (Москва, 19 ноября 2019 г.) / редкол. : Н. Б. Самсонов [и др.]. М. : ИИУ МГОУ, 2019. С. 183–186. EDN: UXITYA
15. Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Кужугет Ш. Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 153–170 <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>, EDN: EWHQRH
16. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М. : Гнозис, 2001. 269 с.
17. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 289–299.
18. Поречная В. И. Исследование особенностей репрезентации пространственного кода культуры в политическом дискурсе (на материале заголовков статей журнала «Коммерсант Власть») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 185–194. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-185-194>, EDN: UPVLMY
19. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 444 с.
20. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
21. Мякишева О. В., Суркова М. В. Образ России в учебниках русского языка // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 245–251. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251>, EDN: DMMRFD.
22. Русский родной язык. 5 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [О. М. Александрова и др.]. 3-е изд. М. : Просвещение, 2019. 176 с.
23. Русский родной язык. 9 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [О. М. Александрова и др.]. М. : Просвещение, 2018. 128 с.
24. Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс : учебник. Часть 2.2. 8-е изд., испр. и доп. СПб. : Златоуст, 2020. 200 с.
25. Долматова О. А., Новачац Е. М. Точка Ру А2, часть 1. М. : Перо, 2019. 148 с.
26. Долматова О. А., Новачац Е. М. Точка Ру А2, часть 2. М. : Бюлер О. А., 2020. 201 с.
27. Я люблю русский язык. Часть 2. Liden and denz, 2017. 190 с.
28. Стернин И. А. К теории речевых культур носителя языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 22–29. EDN: LAULGV
29. Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 17–27.
30. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Ин-т русского языка РАН, 2002. 762 с.
31. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
32. Еремкина Е. С. Оппозиция «свой – чужой» как универсальная категория сознания // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2022. № 2 (47). С. 56–63. <https://doi.org/10.24412/2227-1384-2022-247-56-63>, EDN: TKSBTL
33. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
34. Шамне Н. Л., Макарова М. В. Лингвокультурные характеристики языковых средств выражения субкатегорий близость / дальность в русском и немецком языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 114–119. EDN: PCAFFR

Поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 10.02.2026
 The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 10.02.2026